
ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ДЕТЕКТИВЫ И. ЛЮБЕНКО

**МАСКАРАД СО СМЕРТЬЮ
КРОВЬ НА ПАЛУБЕ
ТАЙНА ПЕРСИДСКОГО ОВОЗА
УБИЙСТВО НА ВОДАХ
ЧЕРНАЯ МАГНОЛИЯ
ЛИК НАД ПРОПАСТЬЮ
РОКОВАЯ ПАРТИЯ
ТЕНЬ АЗРАИЛА**

.....

ДЕТЕКТИВЫ В. ПОЛОНСКОГО

**ЗАГАДКА ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ
ГЛАВНАЯ РОЛЬ ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ
ОПАСНАЯ ИГРА ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ**

• ВИКТОР •

ПОЛОНСКИЙ

ОПАСНАЯ ИГРА ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П52

Художественное оформление *Петра Петрова*

Полонский, Виктор.
П52   **Опасная игра Веры Холодной** : [роман] / Виктор Полонский. — Москва : Издательство «Э» : Яуза, 2015. — 320 с. — (Интересный детектив. Ретро-оформление).

ISBN 978-5-699-83470-9

Кинематограф... Как давно Вера о нем мечтала! Может, это судьба, а может, совпадение, но искать немецкого шпиона Вере Холодной придется именно в кинотелье. Не сомневаясь ни секунды, она с готовностью соглашается снова помочь российской контрразведке и принимает предложение сняться в киноленте. Но как искать шпиона, если подозреваемый – каждый сотрудник телье? Все, что известно молодой женщине, это прозвище предателя – Ботаник...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83470-9

© Шляхов А., текст, 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

«Нужно известное величие души, чтобы понять красоту риска, жертвы, гибели. Только для благородного человека риск есть «благородное дело». Одни это понимают сразу, другие — никогда».

Вышеславцев Б. П.

«Вечное в русской философии.

Трагизм возвышенного»

• 1 •

«**Н**овогодний «подарок» в виде простуд и ангина рискуют получить зрители синемаатографа «Ампир» на Остоженке. По непонятным причинам в последние дни в зрительном зале холодно, почти как на улице. Управляющий синемаатографом г-н Зинчковский не смог сказать по этому поводу ничего вразумительного. «Нынче стоят сильные морозы», — повторял он возмущенным зрителям и категорически отказался возвращать им уплаченные за билеты деньги».

*Газета «Московские ведомости»,
3 января 1913 года*

Воздух колыхнулся, перед глазами мелькнула неясная стремительная тень, железным обручем сдавило горло. Вера не успела вздрогнуть или ойкнуть, так быстро все произошло.

«Умирать станете дважды... — зазвучали в ушах слова гадалки. — Не спрашивайте, как и почему, я сама не знаю, так показали карты...»

Напевному голосу гадалки гармонично аккомпанировал мелодичный звон множества маленьких, невесть откуда взявшихся колокольчиков.

«Сначала одна смерть, а потом, много позже, другая...»

Обруч не только душил, но и тянул назад, поэтому Вера инстинктивно подалась вперед и попыталась оттянуть его правой рукой, позабыв про то, что в ней была вязальная спица. Спица больно кольнула в щеку.

«Это не сон, — машинально отметила Вера. — Кто-то хочет меня убить...»

На ощупь обруч оказался веревкой — толстой, витой, шершавой. Попытка хоть немного оттянуть ее оказалась безуспешной, потому что веревка глубоко впиалась в Верину шею — мизинца не просунуть.

Невозможно вообразить, чтобы человек, которому вот-вот предстоит умереть, да еще и столь мученической смертью — от давливания, — был бы способен испытывать радость, но Вера и впрямь обрадовалась. Или, если точнее, почувствовала волнение, похожее на то, которое испытывает охотник, увидевший между деревьями медвежий силуэт. Человек, которого она так долго и так безуспешно пыталась найти, был рядом. Ответ на загадку, которую все никак не получалось разгадать, стоял за ее спиной. Изловчиться бы, извернуться, увидеть лицо и позвать на помощь...

«Умирать станете дважды...»

Вера попыталась повернуть голову, но и этого ей не удалось. Душитель был много сильнее ее

и имел сноровку. Да и если бы она извернулась, то вряд ли смогла бы разглядеть лицо убийцы, потому что от нехватки воздуха в глазах начали полыхать ослепительные магниевые¹ вспышки.

«Жить будете долго, но большого счастья вам не отпущено...»

Вера попыталась вскрикнуть, позвать на помощь, но вместо крика из горла вырвался тихий протяжный хрип. Да и что толку кричать? Даже если бы удалось крикнуть во всю силу, то, скорее всего, за общим шумом никто, кроме Веры и Душителя, не расслышал бы этого крика. А если бы даже и расслышал, то решил бы, что это Джанковская репетирует роль. У Джанковской что ни роль, то сплошные «спасите-помогите» вперемешку с воздушными поцелуями и протяжными вздохами. И Джанковская не выходит сниматься, пока не прогонит роль несколько раз. Вопит она при этом так, что и в Коломне, небось, слышно. Выложится, пока в образ входит, обессилеет и предстанет перед камерой томной незабудкой. «Un style original! Un peu a part!»² — всякий раз восхищается лощеный фронт Заржицкий, глядя на игру Джанковской. Напрасно восхищается. Во-первых, Джанковская к нему совершенно равнодушна, а во-вторых, никакого «style original» нет и в помине. Обычная апатия после истерического припадка, это любая гимназистка знает.

---

¹ В то время фотографы использовали в качестве вспышки порошок магния с окисляющими добавками. Смесь насыпалась на металлическую пластинку и поджигалась.

² Оригинальный стиль! Немного отстраненно! (*франц.*)

Кричать бесполезно. Бороться тоже бесполезно. Что делать?

Колокольчики в ушах превратились в колокола, бухавшие оглушающим размеренным набатом. Вдохнуть уже совсем не получалось, так стянулась проклятая веревка... Голова закружилась, неведомая сила начала поднимать Веру вверх. Или то Душител ь тянул ее кверху? Вера поняла, что сейчас умрет.

«Умирать станете дважды. Не спрашивайте, как и почему, я сама не знаю, так показали карты. Сначала одна смерть, а потом, много позже, другая...»

«Это первая», — попыталась подбодрить себя Вера. Что еще остается человеку, умирающему ужасной насильственной смертью, как не подбадривать себя? Насколько скверно ни обстояло бы дело, надежда всегда теплится, пока теплится жизнь. Вдруг появится спаситель. Вдруг Алтунин с Мусинским, разнообразия ради, решат распить очередной полштоф в новом месте. Вдруг многострадальному Иову внезапно вздумается учинить обход помещений киноателье? Вдруг «лисички-сестрички» решат заманить сюда Мишеньку, чтобы вдоволь посмеяться над ним? Вдруг Наина, заблудившись, по вечному своему обыкновению, спугнет убийцу? Вдруг Василию Максимовичу захочется поразмышлять в укромном уголке? Вдруг?! Вдруг?! Вдруг?! Недаром же гадалка сказала...

«В будущем году, в самом начале, у вас родится ребенок, девочка...» — донеслось сквозь набат.

Удивительно, непостижимо, невероятно, сколько всего можно передумать за одно-единственное

мгновение, отделяющее жизнь от смерти! Сначала Вера подумала о том, что в одном уже гадалка ошиблась наверняка — ребенок у нее родится — если еще родится! — в середине года, а не в начале. Почему бы ей и не ошибиться относительно двух смертей? Недаром, ох недаром Владимир высмеивает гадалок, предсказателей, сновидцев-ясновидцев и вообще все мистическое. Как-то раз между ними зашел спор о том, есть ли в гаданиях нечто рациональное или все они, от начала и до конца, чистая выдумка. «Но ведь сбывается же! Сбывается!» — горячилась Вера и так и сыпала примерами из жизни. Примеров было много, она даже не успела все перечислить, когда Владимир рассмеялся (не обидно, а по-доброму) и сказал, что гадание есть хоть и шарлатанское, но все же ремесло, а у каждого ремесла есть свои правила и законы. Гадалки внимательно оценивают обратившихся к ним людей, замечая все, даже самые незначительные мелочи. Оценив, делают выводы и гадают по определенной схеме. Восторженной девице нагадают любовь да венец, офицеру — славу и золотые генеральские погоны, чиновнику — действительного статского, пылкой купеческой вдове заморочат голову какой-нибудь «*passion fatale*»¹ и так далее... «Вот если какая-то гадалка нагадает гимназистке, что та станет действительным статским советником и это гадание сбудется, то я сто верст пешком пройду для того, чтобы на эту пророчицу взглянуть», — сказал Владимир, покосившись на газету с портретом императорской четы. Вера поняла значение этого взгляда. Давно

---

¹ Роковая страсть (*франц.*).

уже ходили слухи о том, что императрица тяготеет ко всему мистическому.

Вера даже вспомнила фамилию гадалки — Кошкина, а потом вдруг подумала о том, что напрасно в Испании гаррота¹ считается «благородным» способом казни. Ничего приятного в удушении нет и быть не может... Впрочем, совсем недавно, в октябре, Владимир участвовал в процессе генеральши Турпасовой-Боржик, содержавшей в собственном доме на Маросейке тайный притон для извращенцев. О притоне стало известно после того, как там был удушен насмерть статский советник из псковского губернского акцизного управления, причем удушение это было не преступного, а амурного свойства, потому что несчастный испытывал от этого процесса болезненное удовольствие. Играли в удушение понарошку. Обычно девицы из салона не доводили дело до конца, но вот одна не то увлеклась, не то перестаралась, и в результате вместо удовольствия вышло несчастье. Вера поверить не могла, что подобное возможно (между строк в газетах намекали на многое), но Владимир, защищавший содержательницу притона, сказал, что невозможно выдумать такую мерзость, которая кому-нибудь не показалась бы привлекательной. В подробности процесса, происходившего за закрытыми дверями, Владимир не вдавался. Сказал только, что к Турпасовой-Боржик приезжали за «удовольствиями» даже из Петербурга и Варшавы, настолько

---

¹ Гаррота (от *исп.* garrote — закручивание) — орудие казни путем удушения, изначально представлявшее собой петлю с палкой, закручивая которую палач умерщвлял жертву.

хорошо она умела потакать извращенным вкусам. Вера рискнула спросить мужа, не противно ли ему выступать в роли защитника в подобном процессе, на что Владимир, по своему обыкновению, ответил, что он защищает не преступника, а его законные права и что права эти есть даже у таких, как Турпасова или тот чиновник Министерства финансов, который задушил свою супругу (кругом только и душат!), отволоч хладное тело в погреб, порубил его там на куски взятым у дворника топором, разложил по мешкам, чтобы удобнее было вывезти за город и спрятать в каком-нибудь укромном месте.

Глаза заволокло туманом, ослепительные белые вспышки сменились тусклым красным мерцанием, похожим на мерцание углей в печи, в ушах уже ничего не звенело, их словно заложили ватой... Вера явственно ощутила, что умирает, и готова была разрыдаться не столько от жалости к себе, сколько от чувства несправедливости — почему ее нерожденный ребенок обречен на смерть вместе с ней? В чем вина малютки? Почему все так ужасно?

Тонкий, едва уловимый аромат миндального мыла подействовал отрезвляюще. Миндальное мыло — почти родное, им пользуется тетя Лена... Вера почувствовала, что продолжает сжимать в левой, безвольно повисшей руке спицу с начатым вязаньем. Судорога свела пальцы, благодаря чему спица не упала. Не отдавая себе отчета, поступая скорее инстинктивно, нежели осознанно, Вера повернула кисть таким образом, будто собиралась почесать спину кончиком спицы, и, собрав воедино все оставшиеся силы, сделала резкий тычок.

В тумане, застилавшем глаза, проступило лицо покойной бабушки Екатерины Владимировны.

— Тупой иглой не нашьешься, а тупыми спицами не навяжешься, — строго и наставительно, в обычной своей манере, сказала бабушка. — Тупыми спицами только в носу ковырять...

«Не нашьешься — не навяжешься» бабушка повторяла часто, а вот про то, чтобы в носу спицей ковырять, даже тупой, услышать от нее было невозможно. Бабушка не любила шуток, не понимала их и вообще считала все «пустословье» чепухой. Внимания, по ее мнению, заслуживали только серьезные вещи и дельные разговоры. Суровая была бабушка, царствие ей небесное.

Уши были заложены, поэтому Вера не услышала ни крика Душителя, ни его громких шагов. Подкрадывался он к ней на цыпочках, соблюдая максимальную осторожность, а уйти (бежать не позволяла раненая нога) постарался так быстро, насколько это было возможно. Он заботился не о том, чтобы не производить лишнего шума, а лишь о том, чтобы исчезнуть до того момента, когда Вера обернется. Если обернется — плохо. Придется вернуться, добить ее тем же оружием, которым она ранила его, а потом рассказывать всем историю про то, как он застал Веру в компании незнакомого мужчины, который со словами «Так не доставайся же ты никому!» заколол ее выхваченной у нее же спицей, после чего набросился на случайного свидетеля своего злодеяния, ранил его в ногу и убежал. Слабая версия, шаткая, непрочная, как карточный домик... Но за неимением лучшего приходится обходиться тем,

что есть. Ничего, главное — держаться убедительно, это производит впечатление, а для подкрепления версии «убийца-ревнивец» можно будет сделать кое-что в ближайшие же дни. А сейчас надо убраться подальше, пока еще нога слушается и удается зажимать рану. Еще не хватало, чтобы за ним потянулся ручеек крови. Надо срочно принять меры. Обработать рану, перевязать, сделать укол морфия, сменить брюки...

Тяжело идти с раной в ноге, преодолевая сильную боль, да еще и глядеть при этом не вперед, а назад, но Душитель справился с этой непростой задачей. Ушел, ни разу не споткнувшись, тем же путем, что и пришел, будучи уверенным, что Вера его так и не увидела. Она за эти секунды и продышаться-то толком не успела, где ей головой по сторонам вертеть и вглядываться. Это хорошо. Ничья. После стольких выигрышей можно позволить себе одну ничью, черную горошину перца на белоснежной карьерной лестнице. Сам, в сущности, виноват — проявил легкомыслие, пренебрег старой как мир мудростью «*not macht erfinderisch*»¹. И вообще, надо было орудовать не веревками, а руками, скорей бы управился...

Ковыляя по темному коридору, Душитель на мгновение зажмурился от удовольствия, представляя, как славно бы трепетала нежная шейка жертвы в его крепких стальных пальцах, и тут же был наказан — споткнулся на ровном месте и тихонько взвыл от боли. Хорошо, что никто не увидел. Что толку мечтать о несбыточном? Да, руками в этом

¹ Нужда делает изобретательным (*нем.*).

случае было бы приятнее, но ведь свою руку, в отличие от веревки, в качестве улики в чужой карман не подсунешь. Нам только кажется, что мы управляем обстоятельствами. На самом деле управляют обстоятельства нами, и высшая мудрость заключается в умении извлекать из всего пользу. По замыслу Душителя, полиция должна была найти веревку у подставного болвана. Тогда бы все получилось так ладно, что ладнее некуда. Могло получиться...

С каждым шагом досада увеличивалась. Кроме нее убийца начал испытывать стыд. Надо было во что бы то ни стало довершить начатое, а не убежать. Душить с подкашивающейся ногой невозможно, «грязная работа», но можно было потратить две секунды на то, чтобы свернуть жертве шею. Черт с ней, с уликой-веревкой, было бы дело сделано. Но от острейшей и, что самое главное, внезапной боли в ноге пришел в смятение, запаниковал, инстинкт побудил спастись бегством. Убежать, спрятаться, спокойно все обдумать и тогда уже действовать — вот главное правило в тех случаях, когда что-то идет не так. Ладно, что уж теперь переживать. Снявши голову, по волосам не плачут, и раз уж дело пошло кривь да вкось, то незачем продолжать. Себе дороже. Надо переделывать заново. И переделывать сразу же. Обработать рану, сделать обезболивающую инъекцию и воспользоваться самым надежным средством — ядом. Один укол отравленной иглой — и все. Нужно было сразу ядом, незачем было умничать. Сложные комбинации хороши для шахмат, в жизни чаще срабатывают простые. Сейчас жертва придет в себя и поднимет шум. Сердечный приступ

после нападения убийцы не вызовет ни у кого сомнений. Даже с учетом молодого возраста.

Яд Душитель использовал редко. Причин тому было две — осторожность и особенности характера. С одной стороны, сердечный приступ — это удобно. С другой стороны, один и тот же метод это *l'écriture*,¹ причем указывающий на серьезного человека, потому что обычным убийцам такой яд взять неоткуда. Может потянуться ниточка, а этого допустить нельзя. На досуге Душитель развлекался разгадыванием головоломок и прекрасно понимал, что любая задача кажется неразрешимой лишь до тех пор, пока не ясно, с чего следует начинать. Ниточек должно быть много, чем больше, тем лучше, и все они должны быть короткими. В этом залог спокойствия. Да и от яда нет никакого удовольствия. Другое дело, если орудием убийства являются нож или топор. К тому же ядовитую иглу никому не подбросишь, а топор или нож — запросто. Дополнительная польза. Путаются следы и устраняется с дороги кто-то мешающий или просто неприятный.

Нога болела как-то странно. При каждом втором шаге боль ощущалась не так сильно. Над причиной этого интересного явления стоило поразмыслить на досуге. Никем не замеченный, Душитель дошел до каморки, в которой подсобные рабочие хранили свой нехитрый инструмент и всякую нужную им всячину: пустые мешки, обрезки досок, какие-то железки. Здесь можно было привести себя в порядок — перевязать рану, отдышаться, сделать особый обезболивающий массаж, который ненадолго

---

¹ Почерк (*фр.*).